

ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ ШИШЕЛЯКИНОЙ АЛЁНЫ ЛЕОНИДОВНЫ «СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ ТАТАРОК ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ 1980-Х – НАЧАЛО 2000-Х ГГ.)», НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ – 07.00.07. – ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

В диссертационной работе А.Л. Шишелякиной рассматривается динамика изменений семейно-брачных отношений в определенной этнической соотнесенности в границах выбранного региона. В актуальности выбранной темы нет сомнений, изучаемые процессы хронологически относятся к концу 1980-х – началу 2000-х гг. – переломному периоду в жизни страны, когда происходила переоценка ценностей, менялись традиционные и выстраивались новые отношения в разных областях жизни, что неизбежно затронуло семейно-брачную сферу и этническую идентичность.

Семейно-брачные отношения являются традиционной областью этнографических исследований, в том числе и татарского населения различных регионов. В данной работе указанная тематика представлена под ракурсом гендерного подхода, что не имело места в прежней историографии, и созвучно актуализировавшейся в последние десятилетия новой «системы отсчета», связанной с позициями женской истории. Ценность и оригинальность исследованию придает опора на современный, в значительной степени уникальный материал, собранный автором. Привлеченные и структурированные согласно поставленным в работе задачам источники включают: законодательно-нормативные акты, документы государственной власти, местных органов управления, статистические данные, материалы СМИ, общественных организаций, фольклора и религиозной литературы, устные биографические рассказы. Они занимают особое место – как любые материалы полевых исследований, представляющие собой длительные и многоплановые интервью с респондентами с широкой вариативностью по возрасту и общественному положению. Работа явно выигрывает от присутствия в тексте понятийного аппарата с четким выделением содержания используемых терминов. Неоднократное участие автора в конференциях РАИЖИ и контакт со специалистами, активно проводящих гендерные исследования, позволило сориентировать общее направление работы в русло современных тенденций изучения женской истории. В построении работы проглядывает внутренняя логика, массив использованных материалов закономерно формирует основную часть текста.

Диссертационная работа включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы и Приложение.

Первая глава «Татары Тюменской области и процессы социальной модернизации в конце 1980-х – начале 1990-х гг.» посвящена татарскому сообществу региона и прослежены процессы, происходившие в переломные годы распада СССР. Фундаментальные изменения в социально-экономических изменениях в стране, начавшиеся в середине 1980-х гг., повлекли за собой и трансформации в этнических меньшинствах, в том числе и в татарском сообществе Тюменской области. Об этом свидетельствует анализ широкого круга источников, проведенный диссертанткой. Демократизация общественно-политических отношений вызвала появление значительного количества татарских общественных организаций разной направленности, в их деятельности преобладали установки политического характера. В работе прослеживается динамика взглядов татарского сообщества в целом в течение более чем двух десятилетий, начиная с конца 1980-х гг. К 2000-м гг. политические установки отодвигаются на задний план, вместо них основная деятельность сосредотачивается на вопросах этнической идентичности, культуры, возрождения национального самосознания и т.д. Выдвинувшиеся региональные лидеры и общественные организации приложили немало усилий для консолидации всего татарского сообщества, укрепления старых и установления новых связей с Татарстаном. Достижению этих целей значительно содействовало развитие татарских СМИ, развертывание издательской и разного рода другой культурной деятельности. Вместе с тем усиливалась и религиозная составляющая в жизни татарского сообщества. Все это, по утверждению автора, создавало необходимые условия для институциализации этнокультурных стереотипов о месте и роли татарской женщины в разных областях жизни, в особенности о нормативности отношений в семейно-брачной сфере.

Во второй главе работы «Трансформация дискурса региональной элиты о браке, семье, социальной роли женщин в конце 1980-х – начале 2000-х гг.» раскрываются отмеченные выше представления о месте и роли женщины, которые ранее существовали в качестве потенциальной возможности, а на волне усиления этнического самосознания обрели зримую форму. При этом подавляющая часть региональной элиты ориентировалась на традиционные взгляды, сложным образом переплетавшиеся с чертами новой реальности эпохи, обусловленной демократизацией многих сторон жизни. Такой неотрадиционализм, характерный для позиций властей, региональной элиты, большей части СМИ, не является уж столь неожиданным, а вполне закономерен. Общество оказывается более консервативным, чем это нередко видится. Веками культивировавшиеся представления об изначальной второсортности женщины, об установленной самой природой главенстве

изменившихся условиях созрел неотрадиционализм. На этом фоне идеи о гендерной эгалитарности являются пока еще слабыми ростками нового, их придерживается небольшое число общественных деятелей и журналистов.

В третьей главе диссертации «Трансформация семейно-брачных стратегий татарок Тюменской области в конце 1980-х – начале 2000-х гг.» дается многообразная картина жизни татарской женщины в указанный период с широкой вариативностью повседневных практик, концентрируя внимание на семейно-брачных отношениях. Показательно, как намеченные в предыдущей главе тенденции реализовывались и получали конкретные воплощения. Оппозиция традиции-новации обретала своеобразную форму. С одной стороны – направленные на традиционность установки, подкрепленные возрождающимися и усиливавшимися мусульманскими нормами. С другой – многообразие реалий жизни, открывшиеся при новой социально-экономической действительности. Актуализация этничности и религиозности, ориентация на традиционные культурные и семейно-брачные парадигмы особенно характерны для женщин-горожанок первого поколения. Отход от традиционной этнокультурной ориентации более заметен для горожанок второго и третьего поколений, чья личность сложилась в условиях иного миропонимания, актуализации принципа гендерного равноправия.

Прочитав представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук работу А.Л.Шишелякиной, я все же не могу не отметить, что в ее тексте работы, присутствуют сюжеты, требующие, на мой взгляд, прояснения.

Так, скажем, автор утверждает: *«очевидно, что (курсив мой – З.М.) с давних времен татарское население проживало в Тюменской области и в течение последней четверти XX века, являясь значительным этническим меньшинством, локализовалось в трех из пяти крупных городов Тюменской области и некоторых муниципальных районах. На протяжении рассмотренного периода численность татар была и оставалась устойчивой, устойчивым оставалось и соотношение городских и сельских жителей, но с конца 1980-х гг. нами обнаружена, хоть и довольно слабая, тенденция к урбанизации»*. С последним процессом, с точки зрения соискательницы, коррелирует *«повышение уровня образования татар, проживавших в Тюменской области, и выравнивание численности лиц со средним и высшим образованием с числом лиц, имеющих высокий образовательный уровень, в целом по региону»* (Автореферат. С. 21; Диссертация... С. 61). В том же тексте автореферата (С. 22) А.Л.Шишелякина твердо утверждает: *«Не подлежит сомнению (курсив мой – З.М.) и то, что социальная модернизация в то время привела к усилению процессов урбанизации, росту численности городских жителей среди татар, повышению уровня их образования, складыванию татарской интеллигенции»*. С моей токи зрения,

перечисленные утверждения (не лишённые, согласимся, безапелляционности) ставят некоторые вопросы.

Во-первых, в середине 1970-х – 1980-е гг. в Тюменской области складывается нефтегазовый комплекс мирового значения. Его строительство повлекло за собой формирование соответствующей промышленной и транспортной инфраструктуры, миграцию рабочей силы, изменение социального положения местного населения. Неужели такие глобальные по масштабам области процессы не затронули социальную структуру, миграционные потоки, формирование слоя интеллигенции в татарском населении и, в конечном счете, не повлияли на брачные стратегии?

Во-вторых, что же является предметом исследования: семейно-брачные практики всех татарок области (как это заявлено в тексте) или же только тех татарок, которые в рассматриваемое время достигли 18-35 лет, переселились в города и стали, таким образом, относительно недавно горожанками? Данный вопрос возникает вследствие того, что в тексте неоднократно говорится о «горожанках первого поколения», «горожанках второго и третьего поколений». Так кого же имеет автор в виду? Каково количественное соотношение между ними и горожанками первого поколения? Можно легко представить ситуацию, когда материал, касающийся последних, окажется лишь поправкой по отношению к изучаемым аспектам для татарок области в целом и окажет влияние на сделанные выводы.

Диссертационное исследование в целом отличается аргументированностью, целостностью и четкостью изложения, но – как мы видим – как всякое новое дело, не лишено мелких недочетов. Мне кажется, автор так и не ответил на вопрос, возникающий у любого читателя данной работы: почему взяты только татары Сибири? Они чем-то отличны от татар по своим бытовым и семейно-брачным практикам от татар в основном ареале своего проживания? Можно придаться и отметить, что диссертантка вовсе упустила в историографической части те исследования, которые посвящены аналогичной проблеме, но изучены на материалах других российских регионов. Наконец, было бы любопытно узнать: есть ли публикации на иностранных языках о жизни современных татар в Сибири? Что в них говорится о семейных отношениях?

И в диссертации, и в автореферате все время упоминаются материалы устных рассказов, интервью. Так и не ясно, сколько же текстов собрано и расшифровано, чем они отличны друг от друга, по какому принципу генерализированы и систематизированы, как секвенцировались (разделялись на куски и части), как делался анализ? Каков был возраст опрошенных, сколько было мужчин и женщин, каков был их уровень образования?

На всем протяжении изложения диссертантка употребляет термин парадигмальные и непарадигмальные женские семейно-брачные стратегии. Термин объяснен, содержание его не понятно. Но хотелось бы уточнить, в

(на ее взгляд) заключается успешность именно такой типологизации, что она дает в исследовательской перспективе?

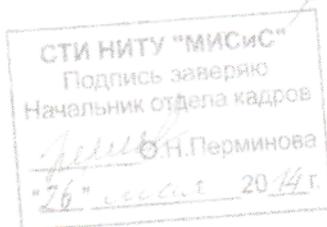
Мои вопросы – не более чем придирки. В целом работа хорошая. Несмотря на замечания, трудно не отметить, что данный диссертационный труд отличается высоким исследовательским уровнем. Факты, оценки и выводы имеют реальную значимость для последующего изучения женских практик в различных этнических группах современной России, в работе представлено немало ценного и интересного материала.

Вся она в целом производит впечатление законченного исследования с логичностью построений, информативностью применяемых методик, аргументированностью выводов. Еще В.Н. Тенишев в своей деятельности исходил из того, что управлять такой страной, как Россия, возможно только при условии знания жизни народа во всех проявлениях. Данная работа представляет не только несомненный научный интерес, но в свете вышесказанного имеет и важное практическое значение.

Автореферат адекватно отражает все основные положения диссертации, которые прошли неоднократную апробацию в публикациях и выступлениях автора.

Диссертационное исследование Алены Леонидовны Шишелякиной «Семейно-брачные стратегии татарок Тюменской области (конец 1980-х – начало 2000-х гг.)» отвечает требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук, профессор,
зав. кафедрой гуманитарных наук
Старооскольского технологического
Института им. А.А. Угарова (филиал)
Национального исследовательского
технологического университета
«Московский институт стали и сплавов»

3.3. Мухина